

Г. Г. ЛИТАВРИН

ВОССТАНИЕ В КОНСТАНТИНОПОЛЕ В АПРЕЛЕ 1042 Г.

Любому исследователю, обращавшемуся к изучению истории византийского города XI—XII вв., приходилось констатировать крайнюю скудость источников, освещающих быт городского населения империи. Даже столица Византии — Константинополь, в котором было создано подавляющее большинство сохранившихся документов и письменных памятников той эпохи, не представляла в этом отношении исключения. События дворцовой жизни и столкновения в кругах знати поглощали все внимание современных хронистов и писателей. О быте и условиях существования провинциальной деревеньки, права собственности на которую были детально регламентированы официальными актами в пользу того или иного монастыря, известно порою лучше, чем о повседневной жизни рядовых горожан столицы.

Народ, в том числе и население Константинополя, редко выступал на политической арене, и его активность воспринималась образованными современниками лишь как неожиданные катаклизмы, разрушительные порывы невежественной «толпы», за подлинные причины которых без каких-либо рассуждений выдавался повод, повлекший за собой взрыв негодования народных масс города.

Не удивительно поэтому, что даже такой мыслитель, как Михаил Пселл, говорит, как о неожиданных и непредвиденных, о событиях в Константинополе в апреле 1042 г., которые он наблюдал непосредственно и в которых в известной мере сам участвовал. Он назвал эти события самыми главными из всех, которые им изложены и осмыслены в «Хронографии»¹. Это — *τὸ χαριστάτου* его основного труда, но причины восстания он усмотрел лишь в глубокой травме психики константинопольского обывателя, привыкшего в течение двухсот лет почти импульсивно повиноваться представителям Македонской династии², на достоинство и честь последних из которых осмелился посягнуть «худородный выскочка» — Михаил V Калафат. Но на вопросы о том, почему эти представители утратили былую неприкосновенность, почему возвысились «худородные», почему народ не удовлетворился восстановлением прав униженной Михаилом V Зои, почему стоило большого труда погасить слепую ярость столичной толпы; Пселл не дает ответа. Да он и не мог его дать, ибо не знал, к чему все это привело в конечном итоге.

Так или иначе, но проблема восстания в апреле 1042 г. в Константинополе остается до сей поры феноменом «в себе», несмотря на то, что фактическая канва событий выяснена в достаточной мере отчетливо, несмотря

¹ *Michel Psellos. Chronographie, ou histoire d'un siècle de Byzance (976—1077), texte établi et traduit par E. Renaud, I. Paris, 1926 (далее — Psellos), p. 101. 18.*

² *Psellos, I, p. 117. 8—9.*

на то, что это восстание, случившееся в центральный период византийской истории, по своему значению, результатам и последствиям, может быть, даже превосходит такие движения, как восстание Ника в январе 532 г. или восстание в сентябре 1185 г., исследованию которых посвящена значительная специальная литература.

Особо об апрельском бунте в столице империи в 1042 г. писали лишь Г. Шломберже³ и более чем полустолетие спустя — Сп. Врионис⁴; из историков-марксистов специально этой проблемы до сих пор не коснулся никто. Появление работы Сп. Вриониса — отнюдь не случайность, обусловленная личными склонностями американского исследователя, а естественное следствие того внимания, которое привлечено в историографии в течение последних 15 лет к проблемам истории византийского города X—XII вв. (работы М. Я. Сюзюмова, А. П. Каждана, Д. Ангелова, Э. Франчеса, П. Тивчева, а также Э. Кирстена, Г. Г. Бека и др.). Труды названных только что авторов, внесших значительный вклад в изучение византийской городской проблематики, вместе с тем показали, что при крайней скудости сохранившихся материалов поддаются восстановлению лишь самые общие тенденции и закономерности развития городской жизни империи; конкретные социально-экономические причины перипетий внутриполитической борьбы в городе на том или ином этапе истории ускользают от взгляда исследователя.

Мы чаще всего констатируем результаты эволюции, а не причины, их обусловившие: недаром двое упомянутых выше ученых, располагая почти одинаковой суммой фактов, дали им прямо противоположную оценку: Г. Шломберже назвал восстание 1042 г. «дворцовой революцией», а Сп. Врионис — «попыткой демократического переворота».

В подобного рода условиях исследования указанной проблемы особое значение, на наш взгляд, приобретает изучение городских народных движений в качестве наиболее яркого и непосредственного отражения глубинных социально-экономических и политических процессов, характерных как для эпохи в целом, так и для ее критических, переломных моментов. Мятеж — явный симптом «неблагополучия» в классовой государственной системе, и его тщательное исследование способно пролить свет на причины катаклизма.

Восстание 1042 г. в столице империи, как ни впечатляюще оно было для современников, не являлось, однако, событием исключительным для той эпохи: вооруженные народные выступления имели место в 1009 г. в Бари, в 1016 г. в Херсоне, в 1028 г. в Навпакте, в 1030 г. в Месанактах, в 1035 г. в Антиохии, в 1040 г. в Диррахии и Никополе. Кольцо городских народных движений, вспыхнув на периферии империи, постепенно сжималось, подбираясь к ее центру.

Мы не ставим здесь задачи рассмотрения самого хода восстания в столице, которое началось утром 19 апреля, в понедельник, и закончилось 21 апреля, в среду⁵, свержением с престола императора Михаила V Ка-

³ G. Schlumberger. Une révolution de Palais en l'an 1042, à Byzance. — «Revue des deux mondes», 15 sept. 1904, 74e année, t. XXIII.

⁴ Sp. Vryonis. Byzantine ΔΗΜΟΚΡΑΤΙΑ and the Guilds in the Eleventh Century. — DOP, 17, 1963.

⁵ Точная дата начала восстания и его продолжительность остаются до сих пор не установленными. Верный себе в своей «Хронографии» Пселл и в данном случае не называет никаких определенных дат. Согласно сообщениям Пселла, волнения в городе, осада дворца, коронация Феодоры, возвращение Зои из ссылки, бегство Михаила V в Студий и его ослепление произошли в один и тот же день — «второй день после ссылки Зои» (Psellos, I, p. 102. 15—16). Ссылка же Зои (и в этом источнике единодушны) случилась в ночь на 19.IV. Следовательно, согласно Пселлу, низвержение Михаила V и окончание восстания можно датировать 19.IV. Однако остается неясным, что понимать под «вторым днем»: понедельник ли — «второй день» недели, 19.IV, или вторник, 20.IV, действительно второй день после ссылки Зои, что и принимает Г. А. Острогорский (G. Ostrogorski. Geschichte des Byzantinischen Staates. München,

лафата. Основной целью нашей статьи является попытка определить место этого события в византийской истории, вскрыть позицию разных социальных слоев населения столицы накануне и в ходе самого восстания.

Основные сведения о восстании содержатся в сочинениях четырех его современников: Михаила Пселла, Кекавмена, Михаила Атталиата и Иоанна Скилицы. Принимая во внимание некоторые разногласия между ними, мы будем отдавать предпочтение свидетельствам Пселла — непосредственного очевидца событий.

Кратко напомним их основную канву. 18 апреля, в первое воскресенье после пасхи, состоялось торжественное посещение храма св. Апостолов Михаилом V. В ночь на следующий день он приказал сослать и постричь Зою. Патриарху еще до этого было велено отправиться в свой монастырь на Стеносе (Босфор) и ждать там в понедельник императора. На другой день, когда весть о случившемся ночью разнеслась по городу, начались волнения. Патриарх вернулся в столицу, призывая к низвержению Михаила V. Вооруженные чем попало толпы народа окружили дворец. Из монастыря Петрий в св. Софию была доставлена опальная сестра Зои Феодора, которую вечером патриарх венчал на царство. Михаил V вернул Зою с Принцевых островов, однако эта мера не возымела действия на оставших. 20 апреля, после кровопролитной осады, часть дворца была захвачена народом. На рассвете 21 апреля император вместе со своим дядей новеллссимом Константином бежали в Студий, однако в тот же день, во второй половине его, оба были схвачены и ослеплены. Трон оказался во власти двух сестер.

Попытаемся прежде всего определить позицию наиболее близко стоящей к трону столичной чиновной знати, точнее — ее верхушки, непосредственно входящей в высший государственный совет при императоре — синклит. Обратимся для этого к несколько более раннему времени. Наблюдения над составом высшей чиновной знати столицы и судьбами ее представителей показывают, что в своем подавляющем большинстве синклит оказывал полную поддержку политическому курсу, проводившемуся при Романе III Аргире (1028—1034) и Михаиле IV (1034—1041). В отличие от перемен на троне в 1025, 1028, 1042 и 1057 гг., приход к власти Михаила IV, несмотря на то, что при этом был умерщвлен его предшественник, повлек за собой наименее существенные перемены в составе правящей столичной бюрократии. С 1028 вплоть до 1042 г. состав синклита оставался относительно стабильным по сравнению с предшествующими этому периоду годами и последующим пятнадцатилетием между 1042 и 1057 гг.

Эти наблюдения подтверждаются прямым свидетельством Пселла о том, что Михаил IV, в отличие от других императоров, не произвел при своем воцарении никаких перемен в составе синклита⁶.

1963, S. 270). Согласно Атталиату, волнения начались 19.IV, вечером этого дня была коронована Феодора, а осада дворца и ослепление Михаила V имели место лишь 20.IV (*Michaelis Attaliothae historia*, rec. J. Bekkerus. Bonnae, 1853 (далее — *Attal.*), 13—17). Детальнее прочих останавливается на хронологии Скилица: волнения и осада дворца, согласно его данным, начались во втором часу (9 часов утра) «второго дня антипасхи» (т. е. 19.IV: пасха была в том году 11.IV) и завершились взятием части дворца в ночь на 21.IV. Коронация Феодоры состоялась 19.IV, ослепление же Михаила V, как прямо пишет Скилица, произошло 21 апреля 10 индикта 6550 г. (*Georgius Cedrenus. Ioannis Scylitzae ore ab J. Bekkero suppletus et emendatus. Bonnae, 1838—1839* (далее — *Cedr.*), II, p. 536—540). Принимая датировку последнего автора, мы все-таки обращаем внимание на одно противоречие у Скилицы: он пишет о воцарении Михаила V через три дня после смерти Михаила IV (10.XII 1041) (*Cedr.*, II, p. 534. 45—535.1), т. е. 14.XII, а время его царствования исчисляет в 4 месяца и 5 дней (*Cedr.*, II, 540.20), что соответствует не 21.IV, а 19.IV. Однако это противоречие легко устранимо: продолжительность правления Михаила V Скилица исчисляет не до дня ослепления императора, а до дня воцарения Феодоры.

⁶ *Psellos*, I, p. 57.9—11.

Проникновение в среду столичной чиновной знати по-прежнему представлялось в этот период пределом жизненного успеха для выходцев из любого другого социального слоя. Более того, видимо, в это время такое стремление было особенно сильным, так как, помимо значительного гарантированного дохода из казны за отправление должности и ношение почетного титула, чиновная знать обрела теперь гораздо более благоприятные возможности превращения не только во владельцев пригородных проастиев (такими владельцами большинство синклитиков были и раньше), но и в крупных собственников поместий, расположенных в провинциях. Отнюдь не последнюю роль в ее обогащении играли в это время также ослабление правительственного контроля, коррупция и творимый чиновной знатью произвол.

В годы почти неограниченного владычества при Романе III и Михаиле IV временщика Иоанна Пафлагонянина синклит не столько участвовал в разработке правительственной политики, сколько ее санкционировал. Однако он отнюдь не был лишь парадным учреждением. Его поддержкой дорожили: чиновная знать оставалась главной социальной опорой режима. Пока его интересы существенно не ущемлялись, синклит был сугубо консервативной силой — и чем более империя терпела неудач, тем настойчивее синклит цеплялся за привычные формы правления и прежний политический курс.

Придя к власти в середине декабря 1041 г., Михаил V сначала осыпал синклит милостями ⁷. Когда молодой император отстранил от дел своего дядю Иоанна Орфанотрофа, доставившего ему трон, синклитики продемонстрировали недоверие императору, собравшись вокруг опального временщика, однако не из сочувствия к нему, а из страха, что временщик вновь обретет былую силу ⁸. Когда же Орфанотроф был сослан, никто не осмелился вступить за него — синклит немедленно перешел на сторону того, кто оказался сильнее ⁹. Смиренно склонило голову перед Михаилом V большинство синклита и тогда, когда он стал вводить в его состав «скифов», своих слуг и доверенных из варваров ¹⁰, и даже тогда, когда он удалил и постриг свою названую мать, императрицу Зою, законное родство с которой оправдывало его права на трон. Более того, некоторые синклитики подхватили ложные обвинения Михаила V против Зои; эти лица были использованы императором, по словам Пселла, «как орудие» для влияния на народ ¹¹.

Однако определенная и достаточно активная часть синклита все-таки осмелилась на решительные действия против императора. В речи на смерть патриарха Михаила Кирулария Пселл говорит об этом совершенно недвусмысленно, называя этих синклитиков *οἱ ἐν τέλει καὶ περιώνυμοι* ¹². Усилия этой группировки, блокировавшейся с высшим духовенством столицы, оказались чрезвычайно успешными: им удалось поднять население столицы на открытое вооруженное восстание. Эта часть синклитиков участвовала и в замысле посадить на трон Феодору ¹³, что представлялось им в тот момент, в разгар народного мятежа, единственным средством спасения. Компромисс этих синклитиков с патриархом, выдвинувшим кандидатуру Феодоры, объяснялся тем, что они боялись быть отстраненными вслед за Зоей от власти ¹⁴, боялись претерпеть «непредвиденное» и утратить влияние ¹⁵. Большинство синклита, занимавшее

⁷ *Cedr.* II, p. 535.12—13; *Attal.*, p. 11, 9—10.

⁸ *Psellos*, I, p. 93.16—22.

⁹ *Ibid.*, p. 94—95.

¹⁰ *Ibid.*, p. 95.11—17.

¹¹ *Ibid.*, p. 100.14—24.

¹² *C. Sathas. Bibliotheca graeca medii aevi*, V. Venetia — Paris, 1876, p. 322—323.

¹³ *Attal.*, p. 16.4.

¹⁴ *Psellos*, I, p. 106.2—6.

¹⁵ *Attal.*, p. 15.3—5.

вначале выжидательную позицию, выразило полное повиновение Феодоре лишь вечером 19 апреля, когда она была коронована в св. Софии, и участь Михаила V была решена¹⁶.

Компромисс, однако, был временным: кандидатура Феодоры, замешанной в нескольких заговорах военной провинциальной знати против столичной бюрократии, была отнюдь не желанной для синклита. Когда страх перед трудно предвидимыми последствиями народного движения миновал и восстание погасло, большинство синклита стало явно вновь отдавать предпочтение Зое и обеспечило ей снова преимущество перед сестрой¹⁷, так как именно Зоя была символом незыблемости существующего режима.

Гораздо труднее определить позицию землевладельческой провинциальной аристократии. Быстро усиливавшаяся в 30-х годах XI столетия, она, однако, еще не выступила вновь после разгрома ее главных сил Василием II с оружием в руках в борьбе за власть; она сделает это лишь год спустя (1043). Главные силы землевладельческой аристократии находились в провинции; хотя ее видные представители имели дома и подворья в столице, их политическое влияние здесь было относительно невелико. С наибольшим успехом они завоевывали себе приверженцев в этот период лишь среди высших служителей церкви. Можно ли считать случайными два обстоятельства, проявившиеся в ходе апрельского восстания? Первое: именно Феодора, вокруг которой уже в течение четырнадцати лет пыталась консолидировать свои усилия провинциальная аристократия, оказалась креатурой патриарха и его группировки. Второе: лозунг о «худородстве» Михаила V, выкрикивавшийся восставшими¹⁸, был прямым повторением мысли, высказанной Константином Далассином, крупнейшим провинциальным магнатом и полководцем, в апреле 1034 г. при воцарении Михаила IV¹⁹. Этот заклятый враг Пафлагонцев был выпущен из тюрьмы Михаилом V и находился в это время в столице.

Так или иначе, но какие-то политические симпатии в столице в это время провинциальная аристократия завоевала; эти симпатии в некоторой степени были использованы во время того движения в Константинополе в пользу полководца Исаака Комнина, которое возникло в августе 1057 г., т. е. через пятнадцать лет, и которое снова возглавила церковь. Недаром еще Михаил IV боялся популярности Константина Далассина в столице²⁰, а его кандидатура в мужья Зое в 1042 г., после низвержения Михаила V, первой была выдвинута частью синклитиков²¹.

О позиции высшего церковного клира мы частично уже сказали. Прослеживается она достаточно отчетливо, так как роль клира во главе с патриархом была в апрельских событиях особенно существенной.

Патриаршая власть, ограниченная при Василии Болгаробойце, стала постепенно крепнуть в правление патриарха Алексея IV Студита (1025—1043). Во время царствования Михаила IV Алексей находился в оппозиции к императорскому двору. Иоанн Орфанотроф даже пытался низложить Алексея Студита, чтобы самому сесть на его трон. Однако, как ни остры порой бывали противоречия между императорским и патриаршим престолами, Алексей IV предпочитал при Михаиле IV идти в конце концов на компромиссы, которые оказывались для него чрезвычайно выгодными. После смерти патриарха в 1043 г. Константин IX Мономах распорядился конфисковать 25 кентенариев (почти тонну!) накопленного Алексеем золота.

¹⁶ *Psellos*, I, p. 109.10—11.

¹⁷ *Ibid.*, p. 116.1—8; 122.1—10; *Cedr.*, II, p. 541.18—20.

¹⁸ *Psellos*, I, p. 98.13—20, 102.8—16.

¹⁹ *Cedr.*, II, p. 507.1—5.

²⁰ *Psellos*, I, p. 122.2—123.10.

²¹ *Ibid.*, p. 122—123.

Что же касается Михаила V, то между ним и Алексеем сразу же сложились враждебные отношения. В чем была причина этого, мы можем, к сожалению, лишь предполагать. Как между патриархом и большей частью синклита, так и между Михаилом V и синклитом назревал конфликт. Как тот, так и другой не питали симпатий к Зое. Но это не сделало их союзниками. Напротив, накануне апрельских событий и в ходе их патриарший клир и группировка императора составили две наиболее враждебные по отношению друг к другу политически организованные силы.

Любопытно, что пренебрегавший опасностью со стороны синклита Михаил V особенно страшился патриарха. Видимо, враждебность молодого императора к патриарху возникла на почве связей последнего с Феодорой, а через нее — с оппозиционной и провинциальной военной аристократией. Стремясь обезглавить группировку, враждебную его планам, Михаил V, ссылая Зою, одновременно решил и на низложение патриарха, как об этом сообщает Скилица²². Согласно известию арабского автора XIII в. ибн-ал-Асира, император даже отдал приказ своим русским и болгарским наемникам схватить и уничтожить патриарха²³. Едва узнав о ссылке Зои, Алексей, вопреки приказу императора, вернулся в Константинополь из монастыря на Стеносе утром 19 апреля и возглавил группировку, начавшую борьбу за свержение Михаила V с престола.

События развивались очень быстро. Император вначале отнесся с пренебрежением к народным волнениям, сочтя нужным объяснить свои действия только синклиту: он обвинил Зою в покушении на его жизнь²⁴. Когда же он узнал, что волнения нарастают, епарху столицы патрикию Анастасию была вручена царская грамота для прочтения народу. Михаил V говорил в ней о заговоре Зои и патриарха и обещал процветание народу. Но эмиссары патриарха уже находились в толпе: раздался возглас о клятвенном преступлении, совершенном императором против своей «матери», и призыв к расправе с «Калафатом». Народ бросился на епарха и его стражу, которые вынуждены были спасаться бегством. Толпы народа подступили ко дворцу.

Между тем патриарх и примкнувшие к нему синклитики отправили посланцев за Феодорой в монастырь Петрий. Вечером она была коронована патриархом в св. Софии. Отныне только ее приказы имели силу вне императорского дворца. На ночь она осталась в резиденции патриарха. Лишь теперь Михаил V полностью осознал размеры грозившей ему опасности и распорядился о срочном возвращении Зои во дворец.

Не прекращавшаяся даже ночью осада дворца стала особенно упорной с утра следующего дня, 20 апреля, во вторник. Именно утром этого дня, по нашему мнению²⁵, Михаил V приказал Зое показаться на царской трибуне Ипподрома перед разъяренным народом. В самого Михаила, когда он пытался выходить на трибуну, из толпы летели камни. Однако появление Зои в царской диадеме не произвело желанного впечатления на осаждающих. К ночи на 21 апреля часть дворца была захвачена, несмотря на большие жертвы среди атакующих. На рассвете император и его дядя Константин бежали морем в Студий.

Видимо, утром в среду Феодора, вопреки желанию Зои²⁶, была доставлена во дворец. Таким образом, патриарху и его приверженцам в этом смысле удалось то, чего не смогли сделать вовлекавшие Феодору в свои

²² *Cedr.*, II, p. 537.2—3.

²³ *B. P. Розен.* Император Василий Болгаробойца. СПб., 1883, стр. 330.

²⁴ *Psellos*, I, p. 100.10—16.

²⁵ В источниках на этот счет нет полной ясности: Пселл относит это событие ко времени до коронации Феодоры (*ibid.*, p. 106.13—18), Атталиат и Скилица — ко времени после коронации (*Attal.*, p. 17.23; *Cedr.*, II, p. 538.1—8).

²⁶ *Cedr.*, II, p. 539.16—18.

заговоры полководцы. Но сразу же последовало и разочарование: тщетно Алексей отстаивал преимущества прав Феодоры — синклитики, избавившись от испуга, отдали предпочтение Зое²⁷. Не случайно через 50 дней патриарх уклонился от венчания Зои и ее нового мужа — императора Константина IX Мономаха. Византийские авторы не говорят, почему бракосочетание совершил пресвитер храма Стип²⁸. Армянский же современник этих событий Аристокэс Ластивертци указывает на нарушение Зоей при вступлении в этот брак (он был третьим) «канонических правил»²⁹. Третьим же этот брак был и для Константина. Это обстоятельство и было, видимо, формальным предлогом для патриарха отказаться от участия в церемонии бракосочетания. Подлинная же причина уклонения владыки от этого акта заключалась, по нашему мнению, в том, что возглавлявшаяся им группировка была враждебной и Зое, и ее новому мужу.

Наконец, наиболее интересным и существенным нам представляется вопрос о позиции торгово-ростовщической и ремесленной верхушки столицы накануне и в ходе восстания. Сп. Врионис, касаясь этой проблемы, пытается выделить ремесленников и торговцев, объединенных в «цехи», из прочего «простого» населения столицы. Однако едва ли верно его стремление рассматривать «цехи» как социально недифференцированное целое. Не можем мы согласиться и с утверждениями этого ученого, будто до ссылок Зои сначала оказал поддержку Михаилу V «простой люд» столицы, а лишь затем — «цехи» и что императора погубили его меры против Зои, так как он пограл народные чувства привязанности к представителям Македонской династии³⁰.

Торгово-ростовщическую и ремесленную верхушку столицы составляли в это время, как справедливо устанавливает М. Я. Сюзюмов³¹, отнюдь не члены корпораций в целом и не только главы корпораций, а наиболее видные представители корпораций тавулариев, аргиропратов, трапезитов (менял) и вестипратов, а также судовладельцы. Эти «аристократы денег» были ростовщиками и откупщиками государственных налогов. С подчиненными им ремесленниками и членами менее привилегированных корпораций их разделяли не меньшие противоречия, чем с прочим не организованным в корпорации трудящимся населением Константинополя.

«Денежные» люди, игравшие существенную роль в экономической жизни столицы, оказались в правление Романа III и Михаила IV в относительно более благоприятных условиях, чем в предшествующий период, что, на наш взгляд, явствует из наблюдений за судьбой братьев Пафлагонцев и из проводимой одним из них — временщиком Орфанотрофом — политики.

По крайней мере трое старших братьев, Иоанн, Константин и Георгий, были сначала менялами, иначе говоря — членами богатой корпорации трапезитов. Согласно сообщению Скилицы, это «ремесло» освоил и Михаил — будущий император³². Уже в конце царствования Василия II Пафлагонцы были достаточно состоятельными в имущественном отношении людьми. Старший, Иоанн, уже тогда был вхож к императору, приглашавшему его на заседания узкого совета доверенных лиц, и находился в близких отношениях с экономом св. Софии, а затем — эпархом столицы, родовитым константинопольцем Романом Аргиром. В 1028 г., когда Роман стал императором, Пафлагонцы были введены во дворец. Иоанн приобрел огромное влияние на императора и скоро превратился во всесильного

²⁷ *Psellos*, I, p. 116.1—8.

²⁸ *Cedr.*, II, p. 542.15—18.

²⁹ Повествование вардапета Аристокэса Ластивертци. Перевод с древнеармянского, вступительная статья, комментарий и приложения *К. Н. Юзбашяна*. М., 1968, стр. 78.

³⁰ *Sp. Vryonis*. Op. cit., p. 299.

³¹ Византийская книга эпарха. Вступительная статья, перевод, комментарий *М. Я. Сюзюмова*. М., 1962, стр. 36—37, 39—41, 108, 128, 141, 152 сл.

³² *Cedr.*, II, p. 504.17—18.

временщика. Многочисленные представители рода Пафлагонцев при содействии Иоанна быстро упрочили свое положение, в их руки постепенно попадали все более ответственные и прибыльные государственные должности.

В 1034 г., во время воцарения одного из братьев, Михаила (IV), большинство членов рода Пафлагонцев уже принадлежали к высшей чиновной знати. Знаменательно, однако, что в источниках нет ни одного намека на какие-либо возникшие за 15 лет родственные связи Пафлагонцев с саванной византийской знатью (у трех братьев-евнухов было немало родичей и с отцовской, и с материнской стороны). Они сохраняли родственные связи с иной социальной средой, а именно с той, из которой вышли и к которой, в частности, принадлежал зять братьев Пафлагонцев Стефан Калафат, отец Михаила V.

По нашему мнению, Стефан отнюдь не был простым ремесленником, «конопатчиком» или «смолильщиком» судов. Пространное рассуждение на этот счет Пселла отдает явной риторикой и является по существу избитым приемом византийских риторов, состоящим в обыгрывании этимологического значения прозвища, в данном случае прозвища Стефана — «Калафат» (буквально — «конопатчик») ³³. Для ипата философов происходить из богатой, но не причастной к высоким должностям и титулам семьи не означало быть благородным. Мы, однако, не допускаем, чтобы братья-трапезиты выдали свою единственную сестру Марию за простого конопатчика Стефана Калафата. Несомненно, социальное и имущественное положение этого будущего друнгария флота во время его женитьбы на Марии вряд ли существенно отличалось от положения ее братьев. Сам Пселл ниже особо подчеркнул социальное равенство происхождения Михаила V как со стороны матери, так и со стороны отца ³⁴. Мы можем предполагать, что Стефан был либо судовладельцем, либо подрядчиком-предпринимателем по окончательной отделке и оснастке судов (если уж учитывать риторическое свидетельство Пселла). По сообщению Лиутпранда, посетившего Константинополь столетием ранее, отнюдь не все столичные «калафаты» были простыми кораблестроителями: их приглашал к себе император, чтобы дать указания о деталях оснащения и вооружения военных судов ³⁵. И в актах XI в. «калафат» Георгий упомянут рядом с корабельным начальством ³⁶. Видимо, это прозвище могли носить и простые «смолильщики», и крупные предприниматели, бравшие подряды на окончательную оснастку судов.

Итак, бывший управитель имуществом св. Софии, а затем епарх столицы Роман Аргир, имевший менял в течение долгого времени в числе ближайших сотрудников, возвел их, вступив на трон, на крупнейшие чиновные посты империи. Бывшие трапезиты, Пафлагонцы получили заметные должности, гражданские, военные и церковные. Укрепившись и получив в лице Орфанотрофа высшую власть, Пафлагонцы поспешили не только возвысить других своих родичей, но и дать возможность прочим представителям торгово-ростовщической верхушки столицы проникать в среду константинопольской бюрократии. Иоанн Орфанотроф ввел практику продажи должностей, которую его младший современник Кекавмен приравнял к откупу налогов ³⁷.

³³ *Psellos*, I, p. 69—70.

³⁴ *Ibid.*, p. 70.1—2.

³⁵ *Die Werke Liutprands von Cremona*, hrsg. von J. Becker. Hannover und Leipzig, 1915, S. 150.

³⁶ *Acta et diplomata graeca medii aevi sacra et profana collecta*, ed. F. Miklosich— I. Müller, vol. V. Vindobonae, 1888, p. 7.

³⁷ «Советы и рассказы Кекавмена (византийского полководца XI в.)». Подготовка текста, введение, перевод и комментарий Г. Г. Литаврина. М., 1972, стр. 236—238.

За десятилетний срок пребывания во дворце Пафлагонцы приобрели огромные богатства, часть которых была попросту награблена ими из казначейства (только у новеллссима Константина после апрельского восстания таких денег было изъято до 50 кентенариев). Их дома в столице представляли собой огромные подворья, полные всякого добра и многочисленной челяди, в том числе вооруженной. Пафлагонцы построили и богато украсили в Константинополе множество церквей. Одновременно они приобрели и богатые земельные владения в фемах Опсикий, Пафлагония и Армениак. Часть этих поместий перешла к ним непосредственно после конфискации имущества видных представителей военной аристократии, попавших в опалу.

Упоминая о богатствах Пафлагонцев, Атталиат говорит, что они были нажиты «несправедливостью и стенаниями бедняков»³⁸.

Политика, проводившаяся Орфанотрофом, отвечала интересам чиновной знати и торгово-ростовщической верхушки столицы. Именно это, по всей вероятности, имел в виду Пселл, когда писал, что Орфанотроф благоустроивал города³⁹ и «никому не сделал зла»⁴⁰. Такая политика, сопровождавшаяся ростом налогов и произволом их откупщиков, приводила к ухудшению положения трудовых масс городского населения.

С сожалением, нам неизвестна достаточно определенно та программа реформ, которую, безусловно, имел юный император и к выполнению которой он пытался приступить. Мы можем судить о ней лишь по косвенным признакам. По всей вероятности, приговор истории, вынесенный этому императору на основании свидетельств авторов — приверженцев синклита, несправедлив: в историографии его часто порицают не столько за его собственный политический курс, сколько за курс его предшественников, которых он сам же частью отстранил от власти⁴¹.

Видимо, Михаил V совсем не был ни самонадеянным юнцом, ни капризным деспотом, ни политическим авантюристом. К решительным действиям его вынуждали обстоятельства, но, препятствия на том пути выхода из тупика, который он искал, оказались слишком велики, а подготовка к их преодолению — слишком слабой. Иоанн Скилица пишет, что Зоя усыновила Михаила, так как он казался «энергичным и знающим дело»⁴². Правление Пафлагонцев было к концу 1041 г. окончательно дискредитировано. Провинциальная аристократия снова поднимала голову; высший клир столицы находился в оппозиции; все чаще вспыхивали восстания в разных концах страны; только что с трудом было подавлено мощное народное движение в Болгарии и Северной Греции; назревал взрыв и в столице. Раскол произошел внутри самой клики Пафлагонцев. Наступил кризис бюрократического режима — и задачи его преодоления (а может быть, и перестройки) легли на плечи молодого императора.

Совершенно закономерным в этой обстановке представляется отстранение Михаилом V от дел, а затем и ссылка Орфанотрофа. Задача состояла прежде всего в укреплении личной власти и в удалении противников своих планов. Михаил V, как мы уже говорили, временным благоволением успокоил синклит. Сделал он некоторые уступки и военной знати: был освобожден из заключения Константин Далассин, а затем также и некогда смертельно оскорбивший его отца полководец Георгий Маниак, который в чине магистра был назначен катепаном Италии. Ко времени краткого правления Калафата относится и начало возвышения способного полити-

³⁸ *Attal.*, p. 15.16.

³⁹ *Psellos*, I, p. 65.17—19.

⁴⁰ *Ibid.*, p. 59.15.

⁴¹ См. оценку его поступков современником: «Советы и рассказы Кекавмена», стр. 286—288.

⁴² *Cedr.*, II, p. 534.18—19.

ческого деятеля, опытного правоведа и знатока финансов Константина Лихуда, будущего патриарха.

Можно думать, что некоторые меры Михаила V были призваны произвести благоприятное впечатление не только на знатных неприятелей Пафлагонцев, но и на народные массы. Согласно свидетельству Атталиата, император сурово карал обидчиков и строго соблюдал законность⁴³. Беспощадно расправился он и с частью своих родственников, причем, видимо, с большей: он повелевал лишать их имущества, смещать с постов, ссылая, оскоплять.

Если суммировать все основные обвинения по адресу Михаила V, о которых упоминают его современники-хронисты, то они, в сущности, сводятся лишь к одному, которое преподносится как глубоко безнравственный поступок, а именно к ссылке своей названной матери Зои, подарившей ему трон. Но именно эта мера, по нашему мнению, свидетельствует о серьезности планов Михаила V: Зоя как живой символ существующего «законного» режима, на какие-то перемены в котором решился новый император, могла в любой момент оказаться центром концентрации враждебных, оппозиционных сил. Ее удаление для осуществления своих планов представлялось Михаилу V совершенно необходимым.

Пселл пишет, что Михаил V задумал сместить многих из синклита, стремясь «пользоваться защитой со стороны многих, а не немногих», народ же «сосватать со свободой»⁴⁴. Мы не знаем, кого здесь следует понимать под «народом», о какой «свободе» идет речь, но перемены в составе синклита, видимо, могли быть направлены только против столичной чиновной знати.

Для осуществления этого плана император нуждался в союзниках, в расширении своей социальной базы. Готовясь к решительному шагу, он постарался усилить преданность своих телохранителей и приближенных из «скифов» и «тавроскифов» (русских), но главную опору он видел в среде богатых торговцев и ростовщиков столицы. Именно их, на наш взгляд, имеют в виду Пселл (ἀπόλεκτος δῆμος τῆς Πόλεως и ὅσοι τῆς ἀγοραίου πόλεως φηκεῖοντο)⁴⁵ и Атталиат (οἱ τῆς ἀγορᾶς προεξάρχοντες, τὸ τῆς ἀγορᾶς στεφανοφόροι и ἀρχαὶ ἀγορανομικάς)⁴⁶. Их мысли и «пленил» заранее император «явными милостями»⁴⁷. Они-то и устроили в воскресенье 18 апреля пышную встречу императору на улицах города, всячески выражая ему свою преданность. По нашему мнению, сведения источников на этот счет нельзя объяснить лишь тем фактом, что в обязанности глав корпораций входило устройство празднеств и украшение улиц при выходах императора⁴⁸: они, по словам Пселла, «считали ужасным», если Михаил V ступит ногой на голую почву⁴⁹. На них, приступая к выполнению своего замысла, император «полностью полагался»⁵⁰. Как говорит Атталиат, сведущие люди, наблюдая некоторые признаки перемен в столичной атмосфере, пришли к выводу, что «дело идет не к добру»⁵¹.

Знаменательно, что в перечне представителей разных социальных слоев, поднявшихся на восстание против Михаила V, ни один из источников не называет те группировки, позицию которых мы определили выше как благоприятную для императора накануне мятежа. И напротив, Пселл лишь раз и только вслед за ἀπόλεκτος δῆμος упоминает как доброжела-

⁴³ *Attal.*, p. 11.14—15.

⁴⁴ *Psellos*, I, p. 95.8—11.

⁴⁵ *Ibid.*, p. 96.2—3.

⁴⁶ *Attal.*, p. 12.10, 19.22—23.

⁴⁷ *Psellos*, I, p. 96.4—7.

⁴⁸ Византийская книга эпарха, стр. 149.

⁴⁹ *Psellos*, I, p. 96.2—11.

⁵⁰ *Ibid.*, p. 96.10—11.

⁵¹ *Attal.*, p. 13.4—5.

телей Михаила V тех, кто «живет ремесленным искусством» (βαυβόων τέχων) ⁵². Не сначала «простой люд», а затем «цехи» выразили расположение к императору 18 апреля, как полагает Врионис, а сначала торговоростовщическая верхушка столицы и лишь затем толпы народа, ослепленные торжественностью и блеском царского выхода, приветствовали императора.

Кроме того, в результате свержения Михаила V пострадали именно те, кто оказывал ему поддержку еще до восстания и во время него: часть Пафлагонцев, группировавшаяся вокруг новеллиссима Константина и не подвергавшаяся репрессиям при Михаиле V, эпарх столицы Анастасий и — что особенно важно — лица, правившие рынком, которые уже вечером 19 апреля были смещены Феодорой с их должностей (ἀρχάς τε εἰθὺς λαμπράς καὶ ἀγορανομίχας ἀποδείξασα) ⁵³. Врионис колеблется, кто были эти люди: подчиненные должностные лица эпарха или крупные торговцы, господствовавшие на рынке ⁵⁴. Видимо, это были и те и другие: главы корпораций выполняли и чиновные функции, касающиеся рынка, и были подчинены эпарху; должностные же лица эпарха были тесно связаны с главами корпораций, крупнейшими торговцами и траpezитами.

Весьма показательно, что первым мероприятием Зои и Феодоры после устранения Михаила V была немедленная отмена продажи должностей, о чем они поторопились оповестить все население страны ⁵⁵. Путь менялам и торговцам в чиновную среду был снова закрыт.

Наконец, остановимся коротко на позиции низших социальных слоев населения столицы. В источниках они имеются в виду под собирательными терминами δῆμος, ὄχλος и πολῖται. Пселл лишь изредка употребляет более точные выражения, упоминая ремесленников. Народ был главной силой восстания, орудием низвержения Михаила V. Об отношении к нему до восстания трудящегося населения Константинополя мы почти ничего не знаем. Согласно точному смыслу свидетельства Атталиата, в настроении народа, вчера еще с восхищением наблюдавшего выход императора, после ссылки Зои произошла резкая, враждебная императору перемена ⁵⁶. О том же говорит и Скилица ⁵⁷. Смысл сходного замечания Пселла на этот счет можно, впрочем, понимать как указание на то, что враждебное чувство к Михаилу V овладело жителями столицы лишь через сутки после ссылки Зои ⁵⁸.

Так или иначе, но большинство восставших составляли представители беднейших слоев населения города. Были в их числе и ремесленники (Пселл пишет, что именно «люди из эргастириев готовились на великие дерзости» ⁵⁹). Несомненно, подавляющее большинство участников мятежа еще вчера или позавчера находились в толпе, приветствовавшей императора. Подобные перемены в настроении масс не представляются загадочными. Недостаток источников и их специфика обусловили то, что при исследовании налоговой системы в Византии историки говорят главным образом о податях с сельского населения страны, хотя налоговый гнет в городах был, по всей вероятности, едва ли значительно менее тяжелым. Об этом как раз и свидетельствуют многочисленные городские восстания в XI в., о которых было упомянуто выше: в качестве их главной причины современники неизменно называют тяжесть податей и произвол при их взыскании.

⁵² Psellos, I, p. 96.2—4.

⁵³ Attal., p. 16.22—23.

⁵⁴ Sp. Vryonis. Op. cit., p. 299.

⁵⁵ Cedr., II, p. 541.4.

⁵⁶ Attal., p. 13.

⁵⁷ Cedr., II, p. 537.4—5.

⁵⁸ См. прим. 5.

⁵⁹ Psellos, I, p. 102.17—18.

Налоги были одной из наиболее важных причин и константинопольского восстания в 1042 г. Когда после ожесточенной осады и больших потерь народ ворвался в одно из отделений Большого дворца (в «Секрет» — видимо, ведомство геникона), он уничтожил «налоговые описи» (*τὰς δημοσίας ἀπογραφάς*)⁶⁰. Известно, что не только в деревне, но и в городе (в том числе в столице) чиновники фиска производили в целях налогообложения скрупулезную опись имущества жителей. Суда и лодки, которые при этом подвергали тщательному обмеру для определения их вместимости⁶¹, не представляли собой, конечно, исключительного объекта внимания анаграфевсов и праكتورов.

Озлобленное тяжелым гнетом трудовое население, обладавшее низким уровнем классового самосознания, не могло устоять перед демагогией клира и знати и влиянием деклассированных плебейских масс. Враг был указан предельно ясно: именно Пафлагонцы в сознании простых константинопольцев в течение многих лет олицетворяли и налоговый гнет, и произвол откупщиков податей, и притеснения ростовщиков-заимодавцев. Для бедного люда города Михаил V не успел сделать ничего существенного да, вероятно, и не собирался делать. Его расправа с частью Пафлагонцев не была мерой, способной удовлетворить народ: не менее корыстолюбивые представители этого рода получили при Михаиле V еще большую власть и силу. Его попытки союза с торгово-ростовщическими кругами были способны скорее обозлить, чем обнадежить, так как именно члены этих кругов входили в число непосредственных эксплуататоров ремесленников и рабочих эргастрий.

Ненависть народа обрушилась на всех представителей родственного клана Пафлагонцев: дома их были разрушены, имущество разграблено или уничтожено. Народ не пощадил, как специально подчеркивает Атталиат этот удививший его акт слепой народной ярости, даже частные церкви, построенные Пафлагонцами: они также подверглись грабежу и разгрому⁶². Восставшие освободили из тюрем заключенных, которые тотчас бросились вместе с толпой на штурм дворца⁶³. Как известно, обычно уголовных преступников в Византии IX—XI вв. предпочитали либо казнить, либо подвергать телесным наказаниям, членовредительству, штрафам, высылкам, но не заключать в тюрьму. Тюрьма в основном была «привилегией» знатных политических преступников, да и то не часто (ослепление, лишение имущества и ссылки были гораздо более обычной карой). Вряд ли знатные заключенные, даже если они и находились в числе освобожденных из тюрем, тотчас влились бы в ряды толпы. Напротив, свидетельства источников о тюрьмах в городах, переполненных в XI в. должниками казны и частных лиц, достаточно многочисленны. Мы полагаем, что именно этих лиц в первую очередь и следует усматривать среди освобожденных народом заключенных. Это были недоимщики казны и должники аргиропратов, менял и других состоятельных собственников столицы.

Как указание на растерянность знати перед разбушевавшейся народной стихией можно расценивать свидетельство Аристакаеса о том, что часть дворца и казны была захвачена восставшими уже после ослепления Михаила V и «городское начальство смогло с трудом пресечь [действия] толпы»⁶⁴.

Подводя итог вышесказанному, мы полагаем, что восстание в Константинополе в апреле 1042 г. было ярким выражением глубокого общего

⁶⁰ *Cedr.*, II, p. 539.8.

⁶¹ *G. Rouillard. Les taxes maritimes et commerciales d'après des actes de Patmos et de Lavra. — «Mélanges Ch. Diehl», I. Histoire. Paris, 1930, p. 279, 280.*

⁶² *Attal.*, p. 15.17—20.

⁶³ *Ibid.*, p. 15.9—13.

⁶⁴ Повествование вардапета Аристакаеса Ластивертци, стр. 78.

кризиса бюрократического режима имперской автократии. Стремление к сохранению и упрочению всей системы традиционного правопорядка проявляла лишь высшая чиновная бюрократия, владевшая ключевыми позициями в государственном аппарате.

С воцарением Михаила V, решившегося на крупные перемены во внутренней политике и структуре власти, вокруг трона завязалась острая борьба, в которой друг другу противостояли три организованные политические силы: чиновная бюрократия, символом господства которой была императрица Зоя, подверглась одновременному натиску со стороны двух сил, в не меньшей мере враждебных друг другу, — группировки столичной светской знати, блокировавшейся с высшим белым духовенством и связанной с оппозиционной военной аристократией, и экономически могущественной, но политически бесправной торгово-ростовщической верхушки столицы. Каждая из этих трех группировок обладала значительными силами. По нашему мнению, накануне восстания между ними создалось равновесие. Борьба могла стать затяжной, но исход ее нельзя было предвидеть. Ссылка Зои была первым шагом к решительным действиям, предпринятым императором, возглавившим «аристократию денег» на пути к политической эмансипации. Однако этот шаг не был достаточно подготовлен. Михаил V недооценил силы врагов и не обеспечил своей группировке поддержки или хотя бы нейтралитета трудового населения города. Предварительно осуществленные им репрессии коснулись также не тех сил, которые организованно вышли против него на арену во время апрельских событий: император разгромил оппозицию своим планам внутри собственного родственного клана, представители которого, выйдя из торгово-ростовщической среды и внедрившись в столичный аппарат власти, оказались постепенно приверженцами традиционной системы правопорядка. Михаил V пренебрег безгласным и послушным синклитом и, хотя опасался оппозиции высшего духовенства, не принял достаточных мер к изоляции и разгрому кругов, связанных с провинциальной аристократией.

Неподготовленной и слабо организованной оказалась и эта группировка господствующего класса (высшее духовенство и связанная с военной аристократией часть синклита), хотя именно она проявила наибольшую активность и именно благодаря ее руководству был свергнут Михаил V. Плоды победы пожала постепенно пришедшая в себя и сплотившаяся чиновная бюрократия (основная часть синклита), с которой на условиях восстановления status quo были вынуждены пойти на компромисс и все остальные группировки знати столицы.

К народным массам Константинополя апеллировала также наиболее активная часть оппозиционной императору знати во главе с патриархом. И несмотря на то что степень вмешательства народа превзошла ее ожидания, группировка патриарха сохраняла контроль над событиями вплоть до водворения на императорском троне во дворце обеих царственных сестер, но — только до этого момента. . . . Что касается взрыва народного гнева, то ссылка Зои была лишь поводом к нему, искусно использованным оппозиционной императору знатю. Восстание константинопольцев было вызвано непомерным налоговым гнетом, произволом чиновничества и притеснениями со стороны купцов, ростовщиков и прочих экономически господствующих в столице кругов как титулованной, так и нетитулованной знати.

В апреле 1042 г. впервые в византийской столице ярко проявилось стремление византийского купечества, крупных предпринимателей и ростовщиков выйти на политическую арену, сохранив за собой прежнее поле деятельности и попытавшись обеспечить более благоприятные условия именно для этой деятельности. Впервые и, кажется, в последний раз эта тенденция нашла поддержку и даже руководство со стороны высшей им-

ператорской власти. Однако попытка направить ход экономического развития столицы (а может быть, и организационно-политической структуры центральной власти) в иное русло была разгромлена консервативными силами. Почти через 40 лет хозяйство Константинополя вступит в полосу постепенного мучительного упадка. Оно окажется (чем далее, тем более) в руках итальянского купечества, деятельность которого не будет стеснена прокрустовым ложем имперского правопорядка.

В ходе восстания 1042 г. высшая столичная бюрократия сумела преодолеть глубокий кризис обеспечивавшего ее господство режима, и последствия этой победы были роковыми для всей последующей истории Византийской империи.